

И. В. Фуфаева

ORCID: 0000-0003-0952-8461

✉ iriel@inbox.ru

Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

СЛОВО КАК СИМУЛЯКР: СЛУЧАЙ ПРИЯТЕЛЬСКОГО ОБРАЩЕНИЯ *СТАРИНА*

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли русского приятельского обращения *старина*. Исследование его употребления проводилось методом корпусного анализа (анализ основного, устного и параллельного корпусов Национального корпуса русского языка) и методом сопоставления с контрольным образцом, близким по ряду параметров приятельским обращением *старик* без семантики возраста. Выяснилось, что приятельское обращение *старина* редко встречается в живой разговорной речи, но устойчиво (в трети контекстов в основном корпусе НКРЯ) употребляется в русской художественной литературе, описывающей заграничную жизнь, в фантастической литературе и пр. В речи литературных персонажей, говорящих на условном иностранном языке, это слово является копией несуществующего оригинала. На возникновение такой роли, по-видимому, повлияло использование слова как кальки аналогичных галлицизмов и англицизмов: *mon vieux* 'старина, дружище' (букв. «мой старик»), *old man* (букв. «старик») и пр., начиная с переводов Беранже, Джека Лондона и др., что придало слову коннотации «заграничности». В статье также освещается эволюция обращения *старина* (в НКРЯ с конца 1820-х годов как обращение к пожилому человеку простого звания), которая могла обусловить выбор именно этого слова для калькирования обращений типа *mon vieux*. В широком смысле исследование демонстрирует принципиальную возможность формирования у языкового средства роли копии несуществующего оригинала, т. е. симулякра по Бодрийяру.

Ключевые слова: русский язык, коммуникация, речевое поведение, обращения, разговорная речь, Национальный корпус русского языка, корпусной анализ, лексика художественной литературы, клише, переводы, калька, коннотации, симулякр

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Политкорректность в русском языке и русской культуре» № 19-78-10081).

Для цитирования: Фуфаева И. В. Слово как симулякр: случай приятельского обращения *старина* // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 304–320. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>.

Статья поступила в редакцию 17 января 2021 г.

Принято к печати 31 мая 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

I. V. Fufaeva

ORCID: 0000-0003-0952-8461

✉ iriel@inbox.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

THE WORD AS SIMULACRUM: THE CASE OF THE FRIENDLY FORM OF ADDRESS *STARINA* ‘OLD MAN’

Abstract. The article is devoted to the role of the marker of “someone else’s life” in the Russian friendly form of address *starina* ‘old man (without age semantics)’. The study of the use of the form of address was carried out by the method of corpus analysis (analysis of the main, oral and parallel corpora of the Russian National Corpus) and by the method of comparison with a reference sample, the Russian friendly form of address *starik* ‘old man, without age semantics’, which is close in a number of parameters. It turned out that the form *starina* is rarely found in live colloquial speech, but often in Russian fiction describing life abroad, in fantastic literature, etc. (in a third of the contexts in the main corpus of the RNC). In the dialogs of literary characters speaking an abstract foreign language, this word is a copy of a nonexistent original. The emergence of such a role, apparently, was influenced by the use of the word as a loan translation (calque) of analogous Gallicisms and anglicisms: *mon vieux*, *old man* and so on, starting with the translations of Beranger, Jack London, etc., which gave the word a connotation of “foreign”. The article also highlights the evolution of the form *starina* (in the RNC since the late 1820s as an address to an elderly person of low status), which could determine the choice of this particular word for a loan translation like *mon vieux*. In a broad sense, the study demonstrates the fundamental possibility of a language unit playing the role of a copy of a non-existent original, i. e. a simulacrum, according to Baudrillard.

Keywords: Russian language, communication, speech behavior, addressing, addressing form, Russian National Corpus, corpus analysis, colloquial speech, lexicon of fiction, cliché, translations, calque, connotations, simulacrum

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project “Political Correctness in Russian Language and Russian Culture” No. 19-78-10081).

To cite this article: Fufaeva, I. V. (2022). The word as simulacrum: The case of the friendly form of address *starina* ‘old man’. *Shagi / Steps*, 8(3), 304–320. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>.

Received January 17, 2021

Accepted May 13, 2021

Введение

Для создания художественного образа мира, чужого для читателя, — конкретной страны, «заграницы вообще», условного Востока или Запада, исторической эпохи, инопланетной жизни и пр. — в той или иной литературной традиции нередко используются наборы определенных языковых, прежде всего лексических средств (номинаций конкретных объектов, экзотизмов, варваризмов и т. д.). Наличие таких наборов отражается, в частности, в пародиях; так, авторы сатирического романа «Золотой теленок» (1931) Илья Ильф и Евгений Петров с помощью словарика «Азиатский орнамент» осмеивают клишированные описания Востока в советской литературе 1920-х годов.

Более утонченной меткой иной реальности служит обнаруженное лингвистом Ириной Левонтиной использование слова *вечеринка* в русском языке в 1970–1980-е годы, когда оно могло обозначать не современное событие, а лишь событие, относящееся к прошлому, к иностранной жизни, или переводить некоторые слова европейских языков: «...надо было как-то переводить слова *party* и *soirée* <...> Есть буквальный перевод — хорошее русское слово *вечеринка* <...> Его и стали использовать.

Вот, скажем, из перевода “Крестного отца” Марио Пьюзо: “Четверо людей — крупье, банкомет, их помощник и официантка в типичном для ночного клуба платье — готовили все необходимое для частной *вечеринки*”» [Левонтина 2021: 68–69].

В ходе нашего исследования русских приятельских обращений обнаружена похожая, но более универсальная роль элемента иной реальности у слова *старина* как неформального обращения к приятелю без семантики возраста.

В работе [Фуфаева 2020] с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) анализируется постепенное возникновение у слова *старина* возможности служить такого рода обращением. Судя по НКРЯ, вообще впервые *старина* как одушевленное появляется в художественной литературе в конце 1820-х годов (возможно, более раннее употребление не отражено в доступных текстах; по крайней мере ласкательное производное *старинушка* зафиксиро-

вано в НКРЯ еще в XVIII в., например, в басне М. Н. Муравьева «Был-жил мужик», 1773).

В литературных источниках обращение исходно употребляется в адрес пожилого человека простого звания: при передаче народной речи — как уважительное; при передаче реплики вышестоящего лица в адрес нижестоящего (извозчика и т. д.) — как грубо-фамильярное. Затем обращение начинает употребляться и при изображении коммуникации образованных людей — как грубовато-фамильярное или интимно-дружеское, с сохранением семантики возраста.

Без семантики возраста в русском (непереводном) тексте, в речи говорящих по-русски в НКРЯ *старина* впервые встречается в романтической и фантастической повести С. Д. Мстиславского «Крыша мира» (1905) в коммуникации приятелей, студентов-исследователей. Здесь единица уже не имеет не только семантики пожилого возраста, но и коннотаций снисходительности, грубоватости, более низкого статуса адресата, и является тем неформальным литературным обращением к приятелю, каким мы его видим, например, в речи персонажей советской художественной литературы, особенно оттепельной и постоттепельной, где оно участвует в создании характерного образа сдержанной мужской дружбы.

Употребление в документальных источниках. «Контрольный образец»: обращение *старик*

При анализе контекстов обращения обнаружилось, что в передаче настоящей разговорной речи мемуарами, письмами и прочими документальными текстами обращение *старина* как приятельское присутствует минимально. Это заставляет сомневаться в его распространенности в подлинной разговорной речи, в реальной неформальной коммуникации и побуждает предположить значимость для жизни единицы художественного функционирования, т. е. значимость использования ее в речи художественных персонажей для придания ей разговорности.

Чтобы утверждать это наверняка, необходим контрольный образец — мужское приятельское обращение, схожее с обращением *старина*, но активно использующееся при передаче неформальной речи реальных людей мемуарами и авторами прочих документальных источников. Такая единица имеется: аналогичное мужское приятельское неформальное обращение *старик* без семантики возраста (в этом качестве в НКРЯ отмечается с 1920-х годов, см.: [Фуфаева 2020]). В словаре Ожегова — Шведовой обе единицы в этой функции толкуются полностью одинаково: у лексемы *старик* выделяется значение 5: «Дружеское обращение к приятелю (разг.)», а *старина* толкуется как «(разг.) То же, что старик (в 1 и 5 знач.), преимущ. в обращении» [Ожегов, Шведова 2003: 762–763].

Обращение *старик* тоже характерно для советской, особенно оттепельной и постоттепельной литературы и имеет и другие свойства, общие с обращением *старина*.

Во-первых, количество вхождений обоих обращений в НКРЯ сопоставимо: 279 для *старина* и 312 для *старик*. Эти числа получены ручной семанти-

ческой выборкой контекстов НКРЯ, где *старина* и *старик* фигурируют в роли неформальных приятельских обращений, с выбраковкой просторечных обращений к пожилым и пр.

Во-вторых, по данным НКРЯ мужчина — не только адресат обоих обращений, но почти всегда и говорящий, т. е. они используются в чисто мужской коммуникации. В НКРЯ нет контекстов, где обращение *старик* по отношению к приятелю использовала бы женщина. Контекстов, где таким образом женщина использует обращение *старина*, в НКРЯ лишь 2 (0,7%): в повести Дины Рубиной 1982 г. изд. и в эссе Оксаны Уваровой 2004 г. (опубликованном в журнале «Даша»).

В-третьих, в обеих выборках есть сочетания с императивами *держись*, *извини*, *послушай*:

- (1) П о с л у ш а й, с т а р и н а, есть одно дело неотложного характера [Александр Горкин, Александра Маринина. Шестикрылый серафим (1991)].
- (2) П о с л у ш а й, с т а р и к, <...> ты не можешь уехать. <...> У неё заболевание крови [Слава Сэ. Ева (2010)].

Все это позволяет сравнить частотность обоих обращений в передаче речи реальных людей мемуаристами и авторами прочих документальных источников.

Из 279 контекстов НКРЯ, содержащих *старина* как обращение без семантики возраста, всего 9 могут претендовать на передачу реальных коммуникативных реальных людей, причем два из них — переданная русским языком речь иностранцев, не отражающая употребления русского слова:

- (3) — Помните ли вы рассказ из жизни Клемансо? — Обходя однажды траншеи, он подошел сзади к стрелку и, хлопнув его по плечу, спросил: «Как дела, с т а р и н а?» [А. В. Ельчанинов. Записи (1926–1934)].

Остается всего 7 контекстов, или 2%, например:

- (4) Рязанов отказался, хотя я пытался его уговорить. — С т а р и н а, дело тут не в политике и не в том, что я хочу выглядетьшибко порядочным... [Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)].

Это резко контрастирует с употреблением обращения *старик*. Содержащие его контексты — это часто передача прямой речи реальных людей в мемуарах, очерках, интервью, дневниках и т. д. Всего таких вхождений почти треть — 27%, или 84 из 312 (57 в мемуарах, 19 в СМИ, 8 в дневниках).

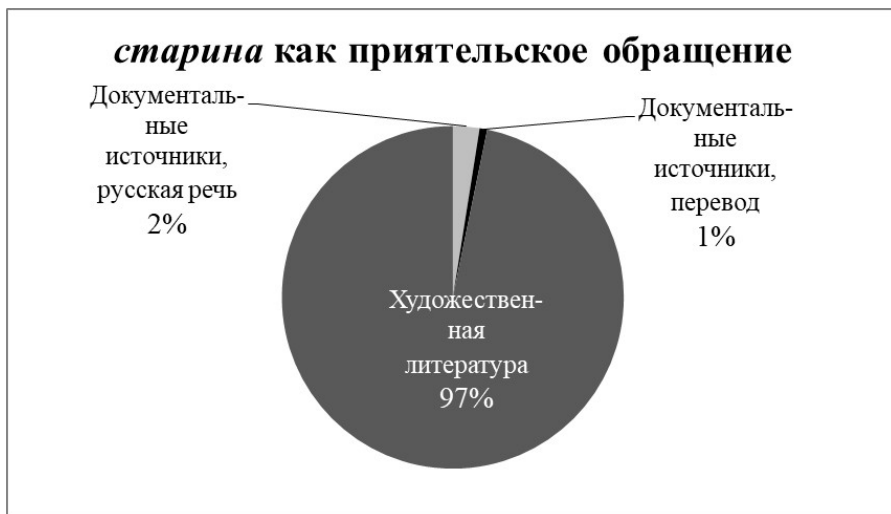
Передавая речь реальных людей, часто очень известных писателей, актеров, музыкантов и т. д., мемуаристы — как правило, непрофессиональные литераторы: Юрий Никулин, Леонид Утесов, Муслим Магомаев, Юрий Башмет, Андрей Макаревич, Александр Бовин, Борис Ефимов, Роман Карцев, Сати Спивакова и пр. — обычно используют обращение *старик*. То же — в путевых записках, дневниках и пр.

Несколько примеров из основного корпуса НКРЯ:

- (5) ...встречает незнакомый парень: «Ну, с т а р и к, еле дождался. Давай сразу принимай зеркала и всю остальную музыку» [Василий Песков. Белые сны (1964)].
- (6) Так вот, посмотрел на меня этот режиссер и сказал: — Ну, здравствуй, с т а р и к! Мне стало смешно, какой же я с т а р и к!» [Яков Сегель. Честное слово // Советский экран (1975)].
- (7) — Давай-давай, думай, с т а р и к, — требовал Дуня [Леонид Утесов. Спасибо, сердце! (1982)].
- (8) Нет, ты хреновину порешь, с т а р и к! Почему это вслух должен читать только поэт?! [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995)].
- (9) ...оттуда показывается руководитель делегации Л. Р. Шейнин. <...> — Ну, с т а р и к, плохи наши дела [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

Все документальные контексты слова *старик* передают речь на русском языке.

Разница соотношения художественных и документальных источников обоих обращений наглядно представлена диаграммами на ил. 1 и 2.

Ил. 1. Соотношение вхождений в НКРЯ лексики *старина* как приятельского обращения в документальных источниках (в том числе в русской речи и переводе) и в речи художественных персонажей

Fig. 1. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starina* as a friendly form of address in documentary sources (including Russian speech and translation) and in the speech of fictional characters

Ил. 2. Соотношение вхождений в НКРЯ лекси́мы *старик* как приятельского обращения в документальных источниках (в том числе в русской речи и переводе) и в речи художественных персонажей

Fig. 2. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starik* as a friendly form of address in documentary sources (including Russian speech and translation) and in the speech of fictional characters

Таким образом, судя по документальным источникам, приятельское обращение *старик* является подлинно разговорной единицей, в коммуникации XX в. активно употребляющейся в жизни, в то время как *старина* — в основном художественно-разговорное явление, редкое в реальности.

В литературных «иных мирах»

Что же касается близкой частотности вхождений обоих обращений в НКРЯ, то, как обнаружилось, почти полное отсутствие документальных контекстов обращения *старина* компенсируется наличием других специфических контекстов, в которых почти не встречается обращение *старик*. Это контексты, принадлежащие литературе, описывающей заграницу, часто условную, далекое прошлое, жизнь далеких планет и прочих «иных миров». *Стариной* называют друг друга различные относительно условные герои такой литературы: гриновские моряки, иностранные дельцы и шпионы советской и постсоветской массовой литературы, мифологические персонажи, действующие в философских сказках. Иными словами, у обращения *старина* есть собственная специализированная ниша: тексты, где не только нет передачи живой русской речи, но она и не предполагается.

Здесь возможны два случая.

В первом случае *старина* — это или часть цитаты (с прямой или косвенной речью) из какого-то иностранного текста в переводе на русский язык, или

передача русским языком иноязычной устной речи. *Старина* здесь — перевод конкретного иноязычного обращения: *mon vieux, old fellow, man* и т. д. Анализ НКРЯ позволяет проследить постепенное формирование этой роли у данной единицы. См. хронологически первое подобное вхождение в пересказе стихов в русской биографии Беранже, где таким образом переведено фр. *mon vieux*:

- (10) ...поэт <...> изложил мотивы этого отказа в «Советах Лизы». «Заняв место, предлагаемое вам другом, — говорила поэту красавица Лиза, — вы не посмеете, *старина*, при громе его денежных сундуков воспевать права...» [М. В. Барро. Пьер-Жан Беранже. Его жизнь и литературная деятельность (1891)].

В НКРЯ в трех источниках — биографии Роберта Бёрнса Р. Я. Райт-Ковалевой «Роберт Бернс» (1959); статье К. И. Чуковского «Высокое искусство» (1968); письме его же С. Я. Маршаку (К. И. Чуковский, «Письма С. Я. Маршаку», 1930–1963) — цитируется перевод Маршаком баллады «Auld Lang Syne» (в переводе «Застольная»), где с помощью слова *старина* переведено обращение к другу *my dear*:

- (11) С тобой мы выпьем, *старина*, / За счастье прежних дней.

Наконец, в передаче иностранной речи *старина* может одновременно присутствовать и как перевод, и как оригинальное обращение:

- (12) Мэ нон, мон вьё, — нет, *старина*, лучше будет так: вы утолите ваш голод, как бы то ни было, а я подожду лучшего состояния вашего кошелька, — не так ли? [К. С. Петров-Водкин. Моя повесть. Ч. 2: Пространство Эвклида (1932)].

Таких случаев немного, так как основной корпус НКРЯ включает только оригинальные тексты на русском языке, а в них цитаты из переводных текстов или пересказ речи иностранца, включающие обращения, редки.

Более распространен второй случай, когда *старина* — не перевод аналогичного иноязычного обращения, реально кем-то написанного или произнесенного, как в приведенном выше примере из воспоминаний Петрова-Водкина, а элемент речи художественных, вымышленных персонажей. Эти персонажи могут быть иностранцами:

- (13) Хозяин гостиницы, толстый янки, встретил Брукса восклицанием: — Целыми досхали, *старина*? [К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)].
- (14) Ганс, *старина*! Узнаешь, а? Сколько лет, сколько зим! Взгляните, фройляйн, на встречу старых школьных друзей! [М. М. Роцин. Галоши счастья (1977–1979)].

«Толстый янки», очевидно, «на самом деле» говорит по-английски, а персонаж Роцина — по-немецки. Можно пытаться представить, что они говорят

вместо *старина* «на самом деле», но никакого «на самом деле» не существует, так как не существует никакого английского или немецкого оригинала. Автор русского текста вполне может даже не знать языка, на котором «на самом деле» говорят его герои, а просто поддерживает традицию использования обращения *старина* в таких случаях.

Еще более это очевидно, когда герои говорят не на каком-то конкретном, а на условном, например, «абстрактном западном» языке:

- (15) — Дженнер! — закричали в углу. — Эй, *с т а р и н а*, поставь-ка свою кандидатуру! [А. С. Грин. Пролив бурь (1909)].

Более того, коммуниканты могут быть жителями некоего альтернативного, фантастического мира или сверхъестественными существами.

- (16) — Ах, мне все равно, — сказал Бог и откинулся в кресле — Иди себе с богом, *с т а р и н а* [Всеволод Ревич. Штурмовая неделя // Химия и жизнь (1965)].

- (17) А то: «силы ада, силы ада»... В этом мире, *с т а р и н а*, действуют совсем другие законы. Есть все-таки преимущества работы в человеческом облике! Он посмотрел на лежавшее на полу тело и, все еще неверно держась на ногах, выступил из астрала [Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)].

- (18) — Далековато до них, *с т а р и н а*, — рассудительно сказал Энцо [Грэй Ф. Грин. Кетополис — Киты и броненосцы (2001)] (русский фантастический стимпанк коллектива авторов).

Итак, во втором случае *старина* играет роль некоего условного обращения. Оно не соотносено ни с конкретной единицей речи героев, так как никакой речи на оригинальном языке не было, ни с конкретной языковой единицей, даже если персонажи-коммуниканты — американцы, немцы и пр., и тем более если они — обитатели условных, фантастических миров. Здесь *старина* — абстрактное «чужое», «внешнее», «заграничное» (где бы эту границу ни проводить) неформальное обращение. Зачастую его конкретный источник — литература массового спроса, изображающая заграничную жизнь, в том числе детективы, фантастика, как советская, так и 1990–2000-х годов.

Необходимо пояснить, что параметров, которые приданы в НКРЯ каждому тексту¹, недостаточно, чтобы идентифицировать вхождение как докумен-

¹ В НКРЯ тексты помечаются как художественные — с указанием жанра (историко-приключенческая, криминальная, любовная литература, сатира и юмор, фантастика, и т. п.), типа текста (анекдот, боевик, детектив, повесть, притча, рассказ, роман, сказка, триллер, эпопея, эссе и т. п.), хронотопа текста — и нехудожественные — с указанием сферы функционирования текста (бытовая, официально-деловая, производственно-техническая, публицистическая, учебно-научная, церковно-богословская), типа текста (автобиография, акт, дневник, договор, документ, закон, заметка, заявление, инструкция, информационное сообщение, кодекс, комментарий, листовка, обзор, объявление, отзыв, отчет, очерк, письмо, постановление, проповедь, путеводитель, резюме, реклама, рекомендация, рецензия, рецепт, сочинение, справочник, статья, учебник, характеристика, хроника, эссе,

тальное или «нерусское» (в речи вымышленного иностранца, героя условного мира, инопланетянина и пр.). Например, обращение *старина* (*старик*) может быть частью не самого текста, а цитаты в нем. См. выше стихотворения Бёрнса и Беранже, цитируемые в биографиях этих поэтов, а также в личном письме К. И. Чуковского. Параметры этих текстов по НКРЯ: тип текста — биография (или «письмо личное»), сфера функционирования — нехудожественная, но источником конкретного слова *старина* являются цитируемые стихотворения — во-первых, художественные, во-вторых, что для нас важно, переводные. При этом такой параметр, как «язык оригинала», в основном корпусе русского языка, естественно, вообще не предусмотрен. Другой пример вкрапления «нерусского» контекста — фантазии русского персонажа отечественной реалистической прозы о том, что ему говорит английский аристократ:

- (19) Давно мертвый пятый граф Невилл <...> как бы говорил мужицкому сыну Саранцеву: «<...> Не валяйте дурака, с т а р и н а, слава вашему богу, что нет у вас Уорда и нет у вас дядюшки Торпентоу, дуйте на операционный стол...» [Юрий Герман. Дюрогой мой человек (1961)].

При этом сами советские персонажи того же романа используют обращение *старик*:

- (20) Скажу прямо, с т а р и к, надрываюсь и кричу денно и ночью — караул! Кадров, сиречь врачей и прочего персонала, — нет, с медикаментами — труба... [Там же].

Таким образом, по каждому конкретному вхождению обращения *старина* (*старик*) приходилось анализировать сами тексты, а не только ближайший контекст слова.

В целом доля «нерусских» контекстов в выборке — больше трети, 34%, или 94 из 279, и 35%, если прибавить 5 вхождений из описания будущего Стругацких, где в качестве языков общения упоминаются русский и английский и при этом фамилии коммуникантов не русские, к примеру:

- (21) — Ну-ну, Сиверсон, с т а р и н а, — сказал Питерс [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Полдень. XXII век (1961–1967)].

Среди контекстов же слова *старик* «нерусских» контекстов всего лишь 6, или 2%, например:

- (22) Когда они встретились в кафе, недалеко от дома, где жил Пьер, Франсуа сказал: — Ну, с т а р и к, что? Мари? [Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)].

и т. п.), тематики текста (бизнес, коммерция, экономика, финансы; война и вооруженные конфликты; дом и домашнее хозяйство; здоровье и медицина; зрелища и развлечения; искусство; криминал; наука, политика и общественная жизнь; право; производство; сельское хозяйство; спорт; природа; частная жизнь и т. п.).

Наглядно эта разница представлена диаграммами на ил. 3 и 4.

Ил. 3. Соотношение вхождений в НКРЯ лексемы старина как приятельского обращения в русской речи и в речи на иностранном / условном языке

Fig. 3. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starina* as a friendly form of address in Russian speech and in speech in a foreign / conditional language

Ил. 4. Соотношение вхождений в НКРЯ лексемы старик как приятельского обращения в русской речи и в речи на иностранном / условном языке

Fig. 4. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starik* as a friendly form of address in Russian speech and in speech in a foreign / conditional language

Анализ НКРЯ показал, что разница в употреблении обоих обращений состоит именно в степени реальности мира, в речи персонажей которого они употребляются. *Старик* почти монополюсно встречается в так называемых источниках личного происхождения и других документальных источниках, где почти не встречается *старина*. *Старина* часто используется авторами русской художественной прозы при передаче речи персонажей условного мира, где, за редким исключением, наоборот, не используется обращение *старик*.

В случаях, когда неформальное обращение *старина* является копией несуществующего оригинала, оно подходит под определение симулякра в трактовке Ж. Бодрийяра. В работе «Симулякры и симуляция» (*Simulacres et simulation*, 1981) французский философ выделял последовательные стадии превращения образа (фр. *image*) в симулякр:

- он отражает фундаментальную реальность;
- он маскирует и искажает фундаментальную реальность;
- он маскирует *отсутствие* фундаментальной реальности;
- он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде [Бодрийяр 2015: 12].

Далее Бодрийяр вместо слова «образ» (*l'image*) использует слово «знак» (*le signe*): «Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот» [Там же: 12–13] (также см.: [Baudrillard 1981: 17]). Оба слова употребляются автором как синонимы, т. е. речь идет о любом используемом людьми знаке, отображающем действительность или только «притворяющимся» таковым, но на самом деле не отображающим ничего реального, самодостаточным. В нашем случае образом-знаком является слово, а реальность, которую он перестает отражать, становясь самодостаточным — это реальность языковая и речевая, реальность элемента речи на каком-то конкретном языке и реальность конкретной единицы этого языка².

Проверка полученных результатов на материале устного корпуса НКРЯ

Помимо основного корпуса НКРЯ, для анализа источников вхождений был привлечен устный корпус. В нем вхождений лексемы *старина* как приятельского обращения оказалось вчетверо меньше, чем *старик* (соответственно 38 и 154), в отличие от основного корпуса, где их примерно поровну.

Из 38 вхождений лексемы *старина* одно документальное, это расшифровка интервью, где интервьюируемый передает реальную речь других людей:

- (23) [Андрей Авджан, муж., военный:] ...потом мне как-то предложили / Сказали / «Не хочешь на метеостанцию / махни / *с т а р и н а* / говорят / на метеостанцию» [Обитаемый остров Голланд. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2008) // ТК «Культура»].

² Проблема художественной реальности, ее самодостаточности или соотнесенности с реальным миром здесь не обсуждается.

Остальные 37 — расшифровки художественных фильмов, из них 17 вхождений — в речи иностранцев или русских разведчиков, говорящих «на самом деле» не по-русски, два — в речи русских людей другой эпохи («Адмирал Ушаков», 1953, и «Гардемарины, вперед!», 1987), один — в речи инопланетянина (Громозека, м/ф «Тайна третьей планеты», Кир Булычев, Роман Качанов, 1981), и только 17 (меньше половины, 46%) — в речи современных русскоязычных героев (соответственно времени съемки фильма — начиная с 1962 по 2002 г.).

Для сравнения, из 154 вхождений лексемы *старик* два документальных источника — запись заседания семинара Бориса Стругацкого (1989) из коллекции НКРЯ:

- (24) [Участница, писательница:] Потому что за все эти годы я не раз слышала при обсуждении разных вещей / что вот это у тебя / с т а р и к / параллель с вещью другого с т а р и к а / а это с вещью третьего...

и беседа о «Новой газете» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003):

- (25) [Участник, журналист:] И мне один коллега сказал / старик / ты что-то стал мельчить.

Остальные 152 — расшифровки художественных фильмов. Из них одно вхождение в речи сказочного героя (попугай Кеша, м/ф «Возвращение блудного попугая», 1984–1987–1988), остальные 151 (98%) — в речи современных русскоязычных героев (соответственно времени съемки фильма — начиная с 1934 по 2008 г.).

Эти данные говорят

— во-первых, о явном предпочтении кинематографистами обращения *старина* при отражении речи «чужих», «далеких» в том или ином смысле героев (20 против 1, *старина* здесь в 20 раз более востребовано, чем *старик*);

— во-вторых, о гораздо большей востребованности кинематографистами обращения *старик* при отражении речи современных (на момент создания фильма) русскоязычных героев (151 против 17, *старик* здесь почти в 10 раз более востребовано, чем *старина*).

При этом часть вхождений лексемы *старина* в речи персонажей-иностранцев относится к расшифровкам российских постановок произведений иностранных авторов («Трое в лодке, не считая собаки», 1979; «Театр», 1978 и пр., всего 6 вхождений). Здесь слово *старина* можно считать переводом конкретных приятельских обращений в оригинальных текстах, т. е. за ними стоят конкретные элементы речевой и языковой реальности других языков. Остальные 11 поставлены по российским сценариям: «Семнадцать мгновений весны» (1973), «Мертвый сезон» (1968), «Праздник святого Йоргена» (1930) и пр. Это вновь «копии несуществующего оригинала».

Этот анализ подтвердил наличие специализированной ниши, особой литературной и кинематографической роли условного разговорного неформального обращения в коммуникации персонажей, принадлежащих в том или ином смысле к другому миру, от «заграницы» (с которой читатель и зритель совет-

ской эпохи был знаком исключительно опосредованно) до иных планет, иной эпохи, альтернативных фантастических миров. Русская речь в коммуникации таких персонажей является «квазипереводом», она не связана ни с каким оригиналом по причине его отсутствия. Обращение *старина*, являясь специализированным элементом таких контекстов, в свою очередь является квазипереводом несуществующих приятельских обращений, копией оригиналов, существование которых и не подразумевалось.

От калькирования к коннотации «заграничности» и роли инокультурного маркера

Фактов, связанных с переводами (*старина* в переводе стихов Беранже, в постановках произведений иностранных авторов), достаточно, чтобы заподозрить именно переводческую традицию в качестве фактора превращения обращения *старина* в средство создания иллюзии неформальной, раскованной, свойской и при этом в каком-то смысле чужой для читателя/зрителя (часто — «западной») коммуникации.

Обратившись вновь к НКРЯ, но уже к параллельным корпусам (английскому, немецкому и французскому), можно выяснить, что, действительно, одним и тем же словом *старина* переводятся разнообразные английские, а также французские и немецкие приятельские обращения. При этом единицы, буквально означающие ‘старый, старик’, в оригиналах обращений могут как присутствовать, так и отсутствовать.

Первый случай (в оригиналах обращений есть единицы, буквально значащие ‘старый, старик’):

- (26) Why, hello, Matt, old man [Jack London. A Daughter of the Snows (1902)] | — Алло, Мэт, старина [Джек Лондон. Дочь снегов (Н. Давыдова, Н. Рачинская, 1927)].
- (27) The other's boyish voice replied "Missed it, old bean; he's pulling your leg" [John Galsworthy. To Let (1921)] | Мальчишеский голос другого возразил: — Брось, старина! Это же издевательство над зрителями [Джон Голсуорси. Сдается внаем (Н. Д. Вольпин, 1946)].
- (28) ...and old Jolyon answered: "Come on, old chap!" [John Galsworthy. Indian Summer of a Forsyte (1918)] | ...и старый Джолион ответил: — Пойдём, старина [Джон Голсуорси. Последнее лето Форсайта (М. Лорие, 1946)].
- (29) Tu boudes donc, mon vieux? [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)] | Ты что от меня воротить нос, старина? [Виктор Гюго. Отверженные. Ч. 1: Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950–1960)].
- (30) »Ja, Alter«, setzte er... [Heinrich von Kleist. Michael Kohlhaas (1808)] | — Да, старина, — добавил он... [Генрих фон Клейст. Михаэль Кольхаас (Н. Ман, 1969)].

- (31) Nun mal los, alter Junge! [Hans Fallada. Jeder stirbt für sich allein (1947)] | Давай, давай, с т а р и н а! [Ганс Фаллада. Каждый умирает в одиночку (Н. Касаткина, В. Станевич, И. Татарина, 1971)].

Во втором случае — случае отсутствия в оригиналах обращений единиц, буквально значащих ‘старый, старик’, — оригиналами служат, например, немецкие *Mensch, Mann*, английские *man, boy, laddy* (мальчишка, паренек); выше приводился такой же перевод С. Я. Маршаком обращения *my dear* в балладе Бёрнса.

- (32) Come and help, m a n! [Joseph Conrad. Lord Jim (1900)] | Помогите же, с т а р и н а! [Джозеф Конрад. Лорд Джим (А. В. Кривцова, 1926)].
- (33) M e n s c h, hatte der nicht irgendwas am Hals [Günter Grass. Katz und Maus (1961)] | Погоди, с т а р и н а, что-то у него такое было на шее [Гюнтер Грасс. Кошки-мышки (Наталья Ман, 1985)].
- (34) M a n n, seien Sie froh, daß Sie noch auf der Straße stehen [E.M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | И с т а р и н а, радуйтесь, что вы ещё живы и стоите тут на дороге [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или Небесам не ведомы любимцы (Д. Н. Шаповаленко, 2017)].

Таким образом, *старина* действительно стало не только калькой, или, точнее, полукалькой обращений типа *old man* (благодаря корню *стар-*), но почти стандартным переводом разных дружеских обращений, в том числе не содержащих в оригинале корня со значением ‘старый’ (десемантизированного).

Более того, в переводах появляются «лишние» обращения *старина*. В оригинале сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» (Alice's Adventures in Wonderland, 1865) в отрывке с падением ящерицы Билля из окна только одно обращение (*old fellow*), а в переводе Нины Демуровой 1967 г. — три:

- (35) ...then another confusion of voices — “Hold up his head — Brandy now — Don't choke him — How was it, o l d f e l l o w? What happened to You? Tell us all about it!” [Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland (1865)] | ...и снова взволнованные голоса: — Голову, голову держите! — Дайте ему бренди! — Не в то горло... — Ну как, с т а р и н а? — Что это было, с т а р и н а? — Расскажи, что случилось, с т а р и н а? [Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес (Н. Демурова, 1967)].

Описываемое обращение может добавляться переводчиком даже в случае отсутствия того или иного приятельского обращения в оригинале:

- (36) Aber Clerfayt! [E.M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | Клерфэ, с т а р и н а! [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет (М. Л. Рудницкий, 2018)].

Надо отметить, что в переводах «лишние» *старина* появляются не только в роли обращения:

- (37) Es ist doch noch Giuseppe, was? [E. M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | Ведь это все еще наш с т а р и н а «Джузеппе», верно? [Там же].

Таким образом, даже в переводах обсуждаемая единица может служить не переводом конкретного слова оригинала, а изобразительным приемом, художественным средством придания речи персонажей заграничного колорита. По всей видимости, действительно, в переводах обращение и обрело «коннотации заграничности», позволяющие в определенных контекстах маркировать «чужой мир вообще», т. е. служить инокультурным маркером.

Выводы

Русское литературное приятельское обращение *старина* по данным НКРЯ используется в гораздо большей степени в разговорах художественных персонажей, чем непосредственно в разговорной речи, причем значительная доля этих персонажей хотя и действует в произведениях русских авторов, говорит заведомо не по-русски — на условном европейском языке или вообще языке полностью неопределенном, абстрактном. В этих случаях обращение *старина* играет роль копии несуществующего оригинала, т. е. превратилось в симулякр по Бодрийяру. Функционально здесь оно является художественным приемом для придания речи персонажей одновременно разговорности и определенной «чуждости».

В переводах на русский язык *старина* соответствует самым разнообразным приятельским обращениям оригиналов; кроме того, добавляется переводчиками и при отсутствии специализированных приятельских обращений в оригинале, т. е. в переводах не только выполняет прямую функцию, но и играет роль инокультурного маркера.

Вероятно, формирование этой роли связано с возникшей еще в XIX в. переводческой традицией калькировать этим обращением приятельские обращения типа *mon vieux*. Первоначальным источником литературного обращения было народное обращение *старина* к пожилому человеку простого звания, регулярно использовавшееся образованными носителями языка для придания коммуникации характера игры, стилизации, интимизации, грубой фамильярности, снисходительности и пр. Калькирование обращением выражений типа *mon vieux*, по-видимому, не только окончательно освободило его от сниженных социальных и стилистических коннотаций, семантики возраста, превратив в литературное приятельское обращение, но и способствовало уходу из речевого поведения настоящих живых людей в речь персонажей, созданных воображением автора, причем часто в условную речь, за которой отсутствует конкретная языковая реальность.

Словари

Ожегов, Шведова 2003 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. Выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е. изд., доп. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003.

Литература

Бодрийяр 2015 — Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015.

Левонтина 2021 — Левонтина И. Честное слово. М.: АСТ; CORPUS, 2021.

Фуфаева 2020 — Фуфаева И. В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 11. № 4. 2020. С. 108–117.

Baudrillard 1981 — Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.

References

Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et simulation*. Galilée. (In French).

Levontina, I. (2021). *Chestnoe slovo* [Honestly]. AST; CORPUS. (In Russian).

Fufaeva, I. V. (2020). Istoriiia poiaavlenniiia v russkom iazyke družeskih obrashchenii *starina* i *starik* [The history of the words *starina* and *starik* as friendly forms of address in Russian]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 11(4), 108–117. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ирина Владимировна Фуфаева

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Учебно-
научная лаборатория социолингвистики,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-18
✉ iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher; Educational and
Scientific Laboratory of Sociolinguistics,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-43-54
✉ iriel@inbox.ru